

Анатолий Цирульников

В учениках у реальности

*Книга-комментарий к серии книг
«Неопознанная педагогика»*

Анатолий Маркович Цирульников

В учениках у реальности

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56574386

*В учениках у реальности. Книга-комментарий к серии книг
«Неопознанная педагогика»: Образовательные проекты; СПб.; 2018
ISBN 978-5-98368-133-0*

Аннотация

Эта книга – популярное и неформальное изложение социокультурного подхода к образованию. Школа, укоренённая в исторической традиции, включённая в современный контекст жизни и соединяющая с ним проекты, надежды, нацеленные в будущее – такова сквозная тема книги. Автора интересует школа, взятая не сама по себе, со своими методиками и режимами, а вписанная в пространство – двора, города, села, мироздания. Школа в культуре и истории, в координатах родины и космополитизма – или иначе, в социокультурном измерении. Автор книги – А. М. Цирульников – известный учёный и писатель, академик Российской Академии образования.

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анатолий Цирульников
В учениках у реальности
Книга-комментарий
к серии книг
«Неопознанная педагогика»

Автор благодарит Институт развития образования и повышения квалификации Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) и лично его директора, доктора педагогических наук Галину Ивановну Алексееву за сотрудничество и помощь в издании этой книги.

В книге использованы фотографии из архива автора, собранного по материалам педагогических путешествий, из архива газеты «Сельская школа со всех сторон», а также авторские фотографии гобеленов Е.В. Пановой.

Предисловие

Я не писал эту книжку специально, она вышла как бы мимоходом (благодаря её редактору, нашему другу и коллеге Андрею Русакову, собравшему и объединившему некоторые мои статьи и короткие заметки об образовании, в основном, за последние полтора десятка лет). Тексты в книге разного жанра и написаны по разному поводу: исторические очерки, анализ российского и зарубежного опыта, инновационные идеи и проекты.

Неожиданно оказалось, что многое их связывает. Быть может, некий подход, взгляд на образование, школу, которая всегда интересовала меня не сама по себе, со своими методиками и режимами, а вписанная в пространство – двора, города, села, мироздания? Школа в культуре и истории, в координатах родины и космополитизма – говоря иначе, в социокультурном измерении.

Так что можно считать, книжка эта – в некотором роде популярное изложение социокультурного подхода к образованию. Если читатель заинтересуется им, автор и редактор будут считать свою задачу выполненной.

Анатолий Цирульников

Глава 1

Холмогоры. Карта Родины

Когда-то в Холмогорах, на родине Ломоносова, я испытал разочарование. Что я увидел? Всё – среднее. Средняя школа имени Ломоносова, не плохая, но и ничем особенно не примечательная. Племсовхоз имени Ломоносова, где растили некогда знаменитую холмогорскую породу... Глядя, как я рассматриваю корову, директор заметил: «Да она не худая, это только кажется». Корова и не была худой – так себе, средней... И косторезная мастерская – тоже, хотя когда-то на международных выставках всех изумляла тончайшая резьба, «архангельское чудо»... Короче, всё было обыкновенно, привычно, всё было – и чего-то недоставало. «Ну, не нашёл, – думал я, – естественно, не нашёл, а на что, собственно, рассчитывал?» Обычное село, обычная школа. Предупреждали же меня, он появляется раз в 100 лет. Я стоял на берегу северной реки, у дома, с крыши которого некогда смотрели в первую подзорную трубу России, и было неловко как-то, нехорошо...

Девятиклассник Алёша, потомок родной сестры Михайлы Васильевича в восьмом колене, принёс мне генеалогическое древо, расписанное его прадедом Дмитрием Михайловичем Лопаткиным. Древо это составляли крестьяне, ремесленники, декабрист, петербургский портной, медицинский профессор... Сам Лопаткин был человеком не очень образованным, но в пожелтевших его записках привлекал внимание один факт.

В начале 1930-х годов строили шоссейную дорогу, и изыскательская партия составила план, согласно которому «...хотели снести магазин, сельпо и два дома, срезать две горы, братские могилы и сделать новый мост через озеро, 45 метров, а мне это сумнительно было – как так, надо осмотреть вновь это место». И пошёл рабочий Лопаткин к начальству, рассказал о своих сомнениях; но начальство махнуло рукой и уехало в город. Но потомок Ломоносова оказался упорным. Встал утром рано, составил профиль местности и отправил бумаги в Архангельск. А там бумаги рассмотрели специалисты, поразились и выдали Лопаткину 200 рублей премию. Такая история. Жизнь у него была обыкновенная: пережил четыре войны и революцию. Работал, судя по запискам, с десяти лет «на разных работах»: резчиком по кости, кровельщиком, присяжным счётчиком, служил солдатом и опять работал – возчиком, засольщиком швейцарского сыра, председателем рабочего комитета, лесником, почтальоном, страховым агентом... А в конце краткого описания своей жизни Дмитрий Михайлович пишет слабеющей рукой: «Привет от всех родных... Будьте здоровы». И это звучит сегодня как привет из истории, как духовное завещание всех предков, Ломоносовых.

Теперь, значит, вместе с девятиклассником Алёшей думаю вот над чем: как бы нам всё-таки принять привет прадеда? Унаследовать от него главное – нежелание срезать две горы там, где можно найти иной путь, укрепить естественное

человеческое стремление к разумной деятельности.

Ясное дело, знать нам надо сегодня побольше Лопаткина. Но что именно? Кто подскажет? И что знал другой мальчик, прицепившийся к рыбному обозу, который направлялся в Москву? Говорят, он явился не из захолустья. Тамошняя северная деревня жила вровень с городом – посадом, а порой обгоняла его. Не только певали старины в занесённых снегами избах, но рубили шатры, форму которых перенимала белокаменная Москва, не только искусно резали по моржовой кости, но и сооружали верфи, и ходили на новоманерных петровых судах аж за Полярный круг (из обыкновенного поморского села Сумпосад вышло 80 капитанов дальнего плавания), смолокурили, варили соль, обрабатывали металл. Словом, Михаил Васильевич Ломоносов родился не в курной избе, хоть и «под хладным небом северной России», как выразился Карамзин.

Факторы, как принято говорить, формирования личности тоже были серьёзные. Плаванья с отцом, развившие выносливость и уверенность в себе, разнообразие жизненных впечатлений, реализм кипевшего кругом дела, в котором находила простор русская даровитость и предприимчивость. Ещё – великий образец Петра и учитель юности, закончивший, как выясняется, Сорбонну, а первый учебник – арифметика Леонтия Магницкого, на которой выросло целое поколение образованных русских людей, мореплавателей, техников, учёных. Не пропало даром ничто из уроков жиз-

ни. Ни встречи с бесстрашными охотниками и зверобоями, опытными лоцманами, поморами-мастерами, отложившиеся трезвостью и широтой ума, ни противостояние морским ветрам, отозвавшееся терпением и благородной упрямкой в житейских невзгодах. И те же руки, что пылливо ощупывали серую глину, те же глаза, что с изумлением детства ловили отблески и переливы на спайках слюды, были у человека, создавшего «Первые основания металлургии». И то же дерзкое желание измерить хвосты комет и разгадать тайну северного сияния – у будущего основателя астрофизики.

Зачем это нам сейчас? Может, Ломоносов – необъяснимо вспыхнувшая звезда, от которой ни жарко, ни холодно обыкновенной сельской школе, в силу исторической случайности оказавшейся на том же самом месте? Да и не надо сейчас мальчику Мише цепляться за обоз, можно добраться на рейсовом автобусе до Архангельска, а там – на скором поезде до Москвы (интересно, при едином государственном экзамене узнают ли по тестам Ломоносова?)

В МГУ одно время держали место для холмогорского выпускника, скорее всего в дань уважения, а может быть, вдруг... Но знакомый проректор заметил, что вдруг ничего не происходит, сельских абитуриентов поступает два процента, и ничто, как говорится, не возникает из ничего. Для чего же тогда этот жизненный опыт и в какие он формы перешёл? Ведь сегодняшняя реальность никак не беднее прошлой. Прилетало телевидение снимать ломоносовское

детство, так ему Холмогоры не подошли, говорят, местами слишком цивилизованно – уехали за 18-м веком в другое место.

Богаче, значит, реальность, сложнее, противоречивее – как раз то, что надо для возмужания человека, а мы его от этой реальности отгораживаем. Сунули в расписание, дали задачку с малолетства клеточку штриховать, если пасмурно, кружок обводить, если ясно. Разве это здоровому, нормальному человеку задачка? А западающая в душу ребёнка тайна восходящего ростка, падающей звезды, человеческого поступка ушла вместе с Сухомлинским? Для чего рядом со школой полуметровый, голубой изнутри лёд, в котором режут продыхи, чтобы не задохнулась рыба? Майский ледоход, и река Курополка, которая подымается на десять метров, и Куростров, плавающий в белой ночи – всё то, что называется жизнью. Ведь мы оказываемся посредственными, неумными, неумелыми ровно до тех пор, пока не начинаем учиться у неё. Учиться у узорного наличника, прикрывающего щель между стеной и косяком окна. У арочки, а не у горизонтального бревна при выходе во двор там, где краски суровы, а хочется жить душевней, веселей. Упорно учиться у деревень, разъединённых северными просторами, однако, поставленных так, чтобы всё-таки в ясную погоду из одной можно было увидеть другую. И поколениями выверенному расстоянию между жилищем и хозяйственными постройками, и точным размерам окон – учиться точным, надёжным решениям

людей, которые понимали, что живут на своей земле.

Возможно, Ломоносов мог не стать великим учёным, но он проявил бы талант в любом жизненном деле: талантливо водил судно, талантливо рыбачил, гениально пахал землю, срубал дом. Потому что всё это пронизывало его детство, потому что жизненные уроки ежечасно формировали характер.

Чтобы выучились россияне, надо их чаще спрашивать. Жизнь должна спрашивать, ежедневно задавать ученику и учителю вечный, мучительный вопрос: кто ты? что здесь делаешь? для чего?

Чтобы проснуться, чтобы выйти из оцепенения, мало учебников и методик – первым учителем тысячу лет назад, и сегодня, и в будущем остаётся жизнь, реальность, в которой мы действительно мыслим и осмысленно действуем. Главная специальность – то, чему учит тебя реальность, чего требует от тебя с предельным напряжением сил, умений, таланта. Я не знаю, теряем ли мы ломоносовых, не знаю, когда именно они приходят, но откуда... На крутом берегу широкой реки, посреди затишья, вдруг окатит севером – и мелькнёт догадка.

В краеведческом музее среди ломоносовских рукописей об «электрической силе», о недрах, громовых машинах, о пользе химии и поэзии, я наткнулся на план какой-то местности, как бы случайно набросанный на нижней части листа. Школьники с Курострова объяснят мне, что эти острова, протоки, деревни – схематическая карта родины, составленная

Ломоносовым по памяти, незадолго до смерти...

Глава 2

Фермеры и свинопасы

Весёлые картинки народного образования

В давние-давние времена, когда на земле ещё не было фермеров, идёт учитель и встречает крестьянина, пасущего свиней. «Зачем ты это делаешь, лучше кормить их в яслях, – говорит учитель, – не теряй время». «Но свинья не понимает, что такое время», – удивился свинопас...

«Так выпьем за то, – поднял тост директор Департамента сельскохозяйственного образования Объединённого Королевства Нидерландов доктор Херман Белтман, – чтобы крестьянин со своей свиньёй быстрее превратился в фермера».

По-моему, он посмотрел на меня. Но я не обиделся. Во-первых, до поездки в Голландию я не понимал разницы между фермером и свинопасом. А во-вторых, мои профессиональные интересы лежат в другой области – истории образования. С этой точки зрения я бы и хотел рассмотреть двух героев народного эпоса. И по возможности, пролить свет на то, кто из них наиболее близок нам сегодня и кого следует ожидать в скором будущем.

Школа крестьян Масловых

По мнению дореволюционных историков, Пётр Аркадьевич Столыпин запоздал со своей реформой лет эдак на пятьдесят. Если бы её провели сразу после отмены крепостного права, в 1861 г., из общины могла уйти в вольные хозяева

весьма большая и ценная часть крестьянства, и уйти, может быть, навсегда. Но Столыпин возник на исторической арене на пятьдесят лет позже, когда крестьянская община уже окрепла и создала свой собственный способ хозяйствования, особый уклад жизни. Создала и своё народное просвещение – крестьянские школы грамоты. Поздней в деревне появились и иные – земские, министерские, но суть народного образования осталась прежней: письмо, чтение, арифметика, Закон Божий.

Примечательно, что все попытки народных учителей, земств реформировать крестьянское образование, внедрить гигиену, медицину, специальные, по типу германских, сельскохозяйственные школы неизменно терпели крах. Крестьяне сами, на свои средства открывавшие школы грамоты и жаловавшиеся в управу, если таковой в деревне не было, точно так же настойчиво и упрямо отторгали «нововведения». Просветители досадовали, укоряли мужиков в невежестве, но в конце концов поняли, что эта избирательность общины не случайна. Так, как жила община, как хозяйствовала, ей действительно хватало грамоты. Зачем ей господская медицина, если свои нужды обслуживала народная? К чему сельскохозяйственные школы, если общинный труд держался на вековом опыте, передавался от отца к сыну?

В 1907 г. началась знаменитая земельная реформа. Её смысл заключался в том, чтобы оторвать крестьян от общины. Зачем это было нужно? Главная причина – община сто-

яла на пути молодого российского капитализма, уже пробиравшего дорогу в промышленности, торговле. Рынок требовал свободных предпринимателей.

И они появились. За 1907–1914 гг. кнутом ли, пряником из общины выманили около трёх миллионов крестьянских дворов. Заметная часть вернулась обратно. Это были вышедшие силком, по недоразумению, сгоряча (как говорили тогда, отразившие не землеустройство, а сплошное «землерасстройство»). Но примерно треть выходцев, почти миллион семей, имевших осмысленные цели – продажа наделов или их укрепление, прекращение чересполосицы и выход на отруб, стремление к личной независимости, социальным опытам и экспериментам, – не только обустроились на хуторах, но начали кооперироваться. К 1914 г. на селе появилось около 50 тысяч сельскохозяйственных кооперативов, потребительских и кредитных обществ, товариществ, которые объединяли свыше 10 миллионов кооператоров.

И нельзя сказать, что совсем нецивилизованных. У них был новый запрос на образование. В уездах, сёлах как грибы росли сельскохозяйственные курсы, открывались школы, библиотеки, поднимались народные дома, свободные предприниматели распространяли «волшебный фонарь» и передвижной кинематограф.

Но тут начинается другое кино, в главных героях – большевики. Сюжет известен: после гражданской – военный коммунизм, затем нэп – шаг вперёд, два шага назад. Коопера-

ция отсекается от народного культуры, просвещение масс берёт на себя Пролеткульт. Старые силы сопротивляются, но всё заканчивается «хэппи эндом» – ликвидировано частное предпринимательство, вбит гвоздь в гроб буржуазной кооперации. А с другой стороны, удалось сделать то, чего не смогла столыпинская реформа, – разогнать «самочинную», «мятежную»: крестьянскую общину. На её месте было создано мирное коллективное хозяйство – колхоз.

Вместе с ним и для обслуживания его нужд возникла и новая система народного образования. Берущая начало в школах колхозной молодёжи (ШКМ), она в своих основных чертах сохранилась и в конце XX века. В ней, как в зеркале, отражались принципы советского коллективного хозяйствования: мифологичность – отсюда сказочность: школы, былинная широта всеобщего образования, воспевание всесторонне развитой личности; насильственность – всеобуч, коллективное воспитание; чёткий функционализм, соответствующий роли членов колхоза, – упорная подготовка доярок и трактористов. В принципе эта система народного образования идеальна, она хорошо приспособлена к нуждам советского коллективного хозяйствования – колхозам и совхозам и, на наш взгляд, не нуждается в совершенствовании.

Тут бы и истории конец. Но вот беда – опять оживают тени Александра II, Петра Столыпина. Снова земельная реформа! В конце 1980-х – начале 1990-х годов в России регистрируется около 10 тысяч индивидуальных хозяйств. Эти вы-

ходцы из колхозов и совхозов, сельские и городские жители опять начинают кооперироваться – АККОР, союз арендаторов, крестьянская партия. Что это за ситуация – 1861 или 1907 г., сказать трудно. Но всё идёт по тому же сценарию.

Члены крестьянских хозяйств и ассоциаций начинают испытывать нужду в образовании. Чем они интересуются? Огородничеством, садоводством, практическим животноводством. Правом, даже с элементами историческими: какое право в зародыше у Советов? могут ли они землю давать? как отбирали? может, лучше мировых посредников? – интересовался краснолицый, голубоглазый, бородатый Константин Маслов, крестьянин из деревни под Палехом. В деревне у них было два дома – его да брата товарищество. Держали овец, бычков столько, чтобы «удержаться на плаву». А чего не плывут? Да чтоб не дразнить: неровен час – потопят. Незадолго до августовского 1991 г. путча он всё уж рассчитал: овец зарежут, технику продать можно, дома – на дрова. Землю вот жалко – навоз вкладывал... А сколько земли человеку надо?.. «Товарищ Калинин в тридцать втором дал сорок соток». – «Всё-таки больше, чем три аршина». – «А что на них сделаешь?»

Крестьянин Маслов рассчитал, сколько земли надо в Нечернозёмье, чтобы завести дело. Растолковал нам, как в районах организуют голод, зачем нужна мужицкая кооперация. Своя школа, ну хотя бы курсы при крестьянском кооперативе, как в Пыталово Псковской области. Туда за советом

приходят крестьяне и крестьянки, иногда с детьми, и те с любопытством слушают взрослые разговоры. У кого поучиться бухгалтерии? Чем защищать кредиты? Как воспитывать детей? Вопросы все личные, индивидуальные, в колхозной школе на них не ответят. Но вот что я обо всём этом думаю...

Образовательные интересы крестьян второго круга в среднем соответствуют уровню запросов выходцев из общины начала века. Сам облик начинающих хозяев очень напоминает социальный тип наиболее продвинутых тогда сельскохозяйственных работников – кулаков и средних крестьян. Это люди безусловно смыслённые, толковые, предприимчивые. Чем можно помочь им в образовании? По-моему, не городить огород. Надо вытащить из архивов прекрасные программы начала века, зимние и воскресные школы, практические курсы. Научить, как выращивать капусту, как ухаживать за поросятами. Ведь как показывает, например, китайский опыт, для того чтобы на рынке появилась свинина, вовсе не обязательна культурная революция. Нужно немного здравого смысла. Как вы заметили, слово «фермер» я ни разу в этой главке не упомянул – он к нашей истории пока не имеет отношения.

Самый умный остаётся на ферме,

а второй идёт в университет

В департаменте сельскохозяйственного образования Голландии мне рассказывали, что сто лет назад у них было то же самое. Постукивали деревянными башмаками с загнутыми носами, проклинали бедное сельское хозяйство. Находились под страхом чудовищных наводнений, запечатлённых ещё на картинах старых фламандских мастеров. В 1870-е годы была создана правительственная комиссия по анализу ситуации. И выявились две возможности. Одна простая – поднять цены на продукты, вещи. А другая посложней – как-то повысить значимость, ценность образования в жизни каждого человека. И сто лет назад они выбрали образование.

Тут-то и начинается другая история. Я обрисую её очень грубо, как понял и увидел. Основы, объяснили мне, остались с того времени. Вот одна идея столетней давности. Фермеру нужно новое знание, а чтобы его иметь, надо исследовать; а чтобы появились люди, которые это умеют, им тоже нужно образование. Сто лет назад они и придумали этот треугольник, внутри которого фермер, а в вершинах – «исследование», «образование» и «консультации». На это, поясни-

ли мне, уходит половина бюджета министерства сельского хозяйства. И совет по инновациям, который есть в каждой сельскохозяйственной школе, – тоже идея столетней давности.

Я поинтересовался: а как вы всё это реализовывали? О'кей, сказали мне, только не переносите один к одному. А мы вообще, похоже, не собираемся, ответил я.

Мне показали диаграмму. Лет за сорок до начала XX века они проводили всеобщее начальное обучение плюс зимнее – фермерские кооперативы открыли зимние курсы для взрослых. Приблизительно с 1910 г. начали обучать учителей сельскохозяйственных школ. В год нашего «великого перелома», 1929-й, ввели в сельской местности восьмиклассное обучение, включая два года в профессиональных школах. К школам для взрослых прибавились классы для детей.

После Второй Мировой общее образование подняли до шестнадцати лет, и на этой основе начал разматываться клубок профессионального – младшие сельскохозяйственные, средние, высшие. Двадцать фермерских журналов, шестьдесят типов разных курсов. Исследовательские центры, информация, консультации...

«Ну, поехали?» – говорит по-русски инспектор департамента Паул Энгелькамп. На самом деле он по-русски не говорит, запомнил несколько фраз и время от времени нас пугает. Сидим в машине, размышляем с коллегой о российских

реалиях, и вдруг молчащий за рулём Паул заявляет: «Я всё понимаю, что вы говорите». Мы вздрагиваем. Но это шутка, ничего он не понимает.

Правда, и мы мало что понимаем в этом голландском мире. Он круглый, как сыр. Плоский – без возвышенностей. В нём всё искусственное. Скоростные автотрассы отгорожены от селений, ветряных мельниц антишумовыми стенами. «Вторая природа», цивилизация сидит как бы внутри первой. Тоннели, прорытые под каналами, системы насосов, дамб сделали людей независимыми от стихии. Вся их жизнь держится на цивилизации, на технологиях, очень высоких, качественных, надёжных. Мы проезжаем застеклённые километры теплиц, там внутри – тоже цивилизация, регулирование дня и ночи. А рядом, показывают нам, – центр контроля качества, институт улучшения растений, институты механизации, организации фермы... Всё на земле, всё рядом. Для нас это странно.

Мы заезжаем в разные организации, связанные с фермерами. Через месяц в образовательной редакции нашего Центрального телевидения у меня попросят кассету – показать фильм о фермерстве и, к моему ужасу, вырежут всё, кроме свиней, коров. В общем-то это понятно: ищем похожее. В Голландии, однако, мы видели его меньше всего. Мы заезжаем в офисы, информационные центры, в банк, на биржу, на аукцион, в фермерскую ассоциацию, где терпеливо дожидаются приёма высшие государственные чиновники... Нам по-

казывают всё это, рассчитывая, что мы поймём: фермерство – это громадная, с мощнейшим пучком связей индустрия. Престиж фермера в обществе – диагноз его развития.

«Быть в Голландии фермером очень престижно, – поясняет инспектор Паул, – а в Исландии, например, нет». – «А уровень сельского хозяйства там низкий?» – «Низкий», – кивает Паул и рассказывает байку: «В Исландии в семье фермеров самый умный сын идёт в университет, а самый глупый остаётся на ферме. А в Голландии самый умный остаётся на ферме». – «А глупый...» – продолжаю я. «Нет, второй, – поправляет меня Паул, – идёт в университет». После этого он ещё будет уверять меня, что голландцам неведомо чувство патриотизма.

В младшую сельскохозяйственную школу мы не заезжали. Поэтому знаю только на словах, что обучение сельскому хозяйству начинается тут с двенадцати лет. Два года общеаграрная ориентация, потом что-нибудь выбираешь. Не понравилось – пробуешь другое или возвращаешься в основную школу и там ищешь.

Подобную сельскохозяйственную школу видел в Норвегии, там учились немного постарше. Находилась она в горах среди неопикуемой красоты. В здании, выстроенном в начале века, пахло деревом. В вестибюле сельскохозяйственной школы висели оленья голова, офорты и картины самых известных в Норвегии художников. В парке росло пятьсот разных видов деревьев. Были теплица, ферма, лаборатории –

почвоведения и микробиологии. Я смотрел на почки в пробирке и вспоминал биоцентр «Пушино» – славу отечественной науки на уровне норвежского ПТУ. Да, ещё было лесоводство. Мы поднимались в горы и смотрели, как расчищали лесоповал ученики в ярких, лёгких таких сапожках. Очень тяжело. Очень дорого. Сельскохозяйственное образование всюду в мире самое дорогое. Маленькие школы, на одного преподавателя – три студента. Земля, техника – дорого. Дорого и довольно медленно, постепенно. А хотите быстро...

Приехали в колледж, среднюю сельскохозяйственную школу в Домкирене. В учебном плане – маркетинг, менеджмент, бизнес, социальная психология... А это для чего? Нам объясняют так: фермер – это бизнесмен. Надои на двадцать процентов зависят от коровы, на восемьдесят – от менеджмента. Ещё. Фермер должен уметь общаться, знать, как давать интервью и продавать лучше, понимать, почему один быстро адаптируется к новой ситуации, а другой нет... А действительно, подумал я, почему? Что ему не хватает?

Школа в основном теоретическая, практику проходят на фермах. Посмотрели кино. Фермер, преподаватель и студент анализируют ситуацию. Какая же она, оказывается, сложная! Как мы её запутали! Не разберёшься без консультантов. Только где они, консультанты? У них консультанты приходят сами. Я не поленился и записал, в чём они фермера консультируют. Бухгалтерия, коммерция, биржа, индустрия,

профсоюзы, банки, сорок видов и направлений сельского хозяйства, машины, компьютеры, внутренняя и международная политика, биология, экология, интеркультурные коммуникации...

Ну, кажется, ясно? И этот процесс, начатый сто лет назад, лавинообразно растёт – ежегодно всё новые и новые виды консультаций. В информационных центрах собираются данные о фермерах всей Европы. Учебники в мягкой обложке, каждые два года новые.

Появляется что-нибудь новое, и тут же учёные: чем это фермер занимается? И тут же образуется группа, и новый учебный курс.

Маленькие подвижные группы, колоссальное число разных курсов. Голландцы считают, что в нынешней ситуации такая форма самая удобная. Это не надо понимать так, что мы можем проскочить элементарную стабильную сельскохозяйственную школу. Ничего не делая, мы время от времени озираемся на Запад, на Восток и удовлетворённо замечаем: «О, а у них этого уже нету. А у них теперь вот что».

По-моему, мы не отдаём себе отчёта, в каком времени находимся. Может, потому, что у нас не было такой области – сравнительная педагогика? Вот фрагмент из неё. В Норвегии, например, закон о начальном образовании был принят на многие десятилетия раньше, нежели в России. Норвегия проводила начальное, в том числе сельскохозяйственное, обучение медленно и постепенно – минимум век. А в

Советской России, согласно декрету Наркомпроса, массовую безграмотность должны были ликвидировать к десятилетию Великой Октябрьской революции.

«Русское солнце», – показывает Паул на шар над автострадой. – «Почему?» – «Красное». Я не соглашаюсь, у нас сейчас изменения. «И какого цвета, розового?» – «Смешанного». – «Тогда, значит, – делает вывод Паул, – русское солнце белое».

Половиной земли фермеры в Голландии владеют, а другую половину арендуют у собственников. Мой московский коллега настораживается: «Они богатые?» – «Нет». – «Почему?» – «Потому, что правительство регулирует цены на землю и ещё налоги с прибыли...»

Вот как? А мы всё пугаем. Записываю в блокнот для себя: чем выше классовое сознание, тем ниже уровень образования. У фермеров-растениеводов он самый высокий, университетский. Но Паул считает, что эта ситуация неинтересна: в Голландии растениеводов мало, получил диплом – и финиш. Гораздо интересней ситуация с цветоводами. Образование у них самое низкое, по голландским меркам, зато объём цветоводства на рынке самый высокий – 100 миллионов цветов в день, треть мирового рынка. Экономика толкает образование, цветоводы кидаются на разные курсы, пробуют то, это – интересно.

– Может, и интересно, – говорю я, – но непонятно, кто кого толкает: образование или экономика?

– О'кей, – кивает Паул, – объясняю по-другому.

Вот прекрасный пример для начинающего фермера. Допустим, вы хотите им стать. Пожалуйста. Банк открывает кредит. Некоторое время вы спокойно работаете, никто вас не беспокоит. Но в один прекрасный день на ферме появляется консультант, скажем ветеринар, и интересуется: что это такое там выросло у коровы под хвостом? И если вы не можете ответить толком, вас спросят: а где вы учитесь? А если и на этот раз не получают ответа, консультант просто сообщит в банк: этот фермер нигде не учится, он не может вести дело. И банк ставит точку. Банк – контролёр и регулятор образования.

Банк, биржа, аукцион... Образование просто вросло во все структуры, образовательны практика, экономика, политика. Вся общественная практика образованная...

Ну ещё один пример для закрепления – практическая школа в Барневельде. Специализируется на международных проектах в странах Азии и Африки. То, что нам надо. Восемьдесят процентов времени, сорок курсов в неделю – практика.

Свиньи, коровы, кролики... Интересуюсь: а чья это школа?

Вопрос вызывает заминку. Наконец отвечают: фермеров. Ясно. Они, значит, платят. Нет, поправляют, платит государство. Как это? Ведь кто, как говорится, платит, тот зака-

зывает музыку? Ан нет, то чисто российские мечтания, и к тому же маниловские. Нам не нравится музыка, и мы мечтаем: вот соберутся крестьяне, встанут на ноги и закажут другую. Какую? В Голландии вся система устроена иначе, и музыка играет такая: государство платит, контролируя конечные результаты.

Фермерская ассоциация набирает учителей, учителя учат по собственным учебникам и программам, учёные помогают учителям повысить квалификацию. Каждый вносит свой вклад, а монополии ни у кого нет.

Народное ж образование...

Школа фермера Бома

Что мы ещё увидели? Тропическую школу в Дейфинтере – она нетипична, как все аграрные школы Голландии; сельскохозяйственный университет, в чудесной библиотеке которого имеются старые отчёты Петровской академии, нынешней Тимирязевки; институт общества СТОАС – содействия аграрному образованию, где готовят учителей сельскохозяйственных школ... За неделю пробегом мы осмотрели их, кажется, около двух десятков.

И теперь я думаю: что осталось в памяти? Не коровы, не свиньи, даже не компьютерная графика, а, пожалуй, человеческие лица.

Вот что самое странное: сельское хозяйство, но всюду че-

ловеческие лица.

И на ферме, куда мы в конце концов доехали. У фермера Яна Бома было замечательное лицо. Над таким, чувствуется, поработали многие поколения. Они жили в этом же доме с камином, книгами, картинами в рамах, старинными часами. На стене в доме, правда, не висело генеалогическое древо предков с XVII столетия – такое я видел в доме норвежского фермера, – но схема дедовской фермы тут была. Ян Бом унаследовал её от отца. Судя по фотографии, он был похож на него. В шейном платочке, модном клетчатом пиджаке. Фермер с университетским образованием.

О чём говорить? Ну, я спросил, для чего в обществе изобилия, где всё ломится от избытка, где занят каждый кусок земли и нет никакой нужды в фермерах, столько фермерских школ, курсов, университетов?

– Зачем вам столько? – спросил я фермера Бома.

Его ответ состоял из трёх пунктов.

Первое. Сельское хозяйство, сказал Бом, – это древнейший вид культуры.

Второе. Ну да, вон тот просто учится и не хочет идти на ферму. Но он вообще пока не знает, чего хочет. А вдруг потом захочет?

И третье, не менее странное. Да, сейчас у нас такая ситуация – изобилие, хватает фермеров. А вдруг ситуация изменится?

Правда, странно? Какая-то совершенно другая логика.

Явно не наша. Нам сейчас не до этого. Криком не докричишься. Письмо не отошлешь, клей не клеит, конверт кривой. Поле скособочено, если что уродилось, так урод. Вырастить хотя бы крестьянина начала века, научиться элементарному... И всё-таки, думал я, надо бы крестьянину и про это знать. Чтобы перестали «вешать лапшу на уши»: не хватает, мол, только техники, не те цены... Интересно, врут или не врут? А может быть, и не врут? Просто свинопасы. Ах, какое громадное общество свинопасов!.. У какой ямы пасём...

А голландцы считают, что я не прав. Нельзя делить мир на фермеров и свинопасов. Это и исторически неправильно. Фермеры вышли из свинопасов, в каждом свинопасе есть немножко фермера. Да и кто может знать, кроме самого человека, что из него выйдет. «Я всё понимаю, что вы говорите», – сказал я по-голландски инспектору Паулю Энгелькампу. Он засмеялся. По-голландски я, конечно, ничего не понимаю. Но мне кажется, они думают о нас лучше, чем мы сами о себе.

Глава 3

Что там, за перевалом тысячелетий?

У меня дома есть каменная фигурка из застывшей десять миллионов лет назад лавы. Подарена в холодном клубе человеком в валенках – художником, учителем из северного села Помоздино. Маленький человечек переползает гору. Скульптурка называется «Эй, что там, за перевалом тысячелетий!».

Школа в скалах, над которой висят два спутника

...Этой встрече предшествует давняя история. В перестроечные времена я познакомился с норвежцем Пэром Дюлоном, лидером международной организации по развитию образования. Он приехал в Москву и предложил нам, тогдашним «теневым реформаторам», сотрудникам Временного научно-исследовательского коллектива (ВНИКа) «Школа», выступить с проектами. Я сделал сообщение о сельской школе, рассказал, всё как есть: семьдесят процентов зданий не имеют канализации, в десяти процентах школ не горит лампочка Ильича. Норвежцы были в шоке. Начали между собой переговариваться: «Сицилия? Танзания?»

«Знаете, – мягко сказали мне, – то, о чём вы рассказываете – потрясающе. Мы даже не можем найти аналогов. В Норвегии тоже разные условия. Есть школа в скалах. Но над ней висят два спутника и транслируют первоклассные учебные программы. Поэтому мы не знаем, какой у нас с вами может

быть совместный проект».

Я покраснел. Не за себя, за державу, как говорится, обидно. Видимо, почувствовав моё состояние, Пэр сказал, что попросит своего друга, который занимается сельской школой, пригласить меня в Норвегию. Скоро пришло письмо и книга по истории норвежского образования. Так я познакомился с Ларсом Аасе – преподавателем учительского колледжа, профессором, специалистом по народной школе.

Помню уютный дом Ларса в Кристиансенде, в южной Норвегии. Пол в ванной с электрическим подогревом. Но всё-таки, это был сельский дом – с камином, всякими вязаными штучками, горшочками с цветами. В Кристиансенде во всех частных домах на подоконниках стояли цветы и сидели кошки.

Но важнее то, что не увидишь со стороны: память.

Ларс показал мне книжку, наподобие телефонной, которая в Норвегии есть почти в каждой семье и куда записывают историю жизни всех членов рода. Он открыл её на букве «L» и прочитал мне, что было написано про его предка в пятом колене, его тоже звали Ларс, у него было пятеро детей, он был фермер, и вот, видите, даже известно, что любил выпить.

Из домашней памяти складывается народ. И народная школа.

В Норвегии всеобщее образование было введено лет на сто пятьдесят раньше, чем в России, и вводилось медленно,

постепенно, почти век (а не как у нас – к десятилетнему юбилею Октябрьской революции). Но и теперь норвежское образование не утратило духа народной школы.

Я побывал в нескольких школах. В вестибюле одной висели олени рога и пахло деревом. В окрестностях другой школы леса принадлежали частным лицам и, заботясь не только об их сохранности, но и о красоте, в школе изучали предмет «дизайн леса». В третьей школе я никак не мог понять, частная она или государственная? Мы говорим: кто платит, тот заказывает музыку, а тут «музыку» заказывала местная община, родители, ученики, учителя, а платило – государство. Всё наоборот. Но что вам кажется более нормальным?

Для того, чтобы обеспечить норвежцев куриными яйцами, достаточно на всю страну иметь четыре крупных птицефабрики. Но в Норвегии существует закон, который ограничивает объём производства отдельного хозяйства – чтобы все норвежские фермеры могли завести своё дело. Эта социальная защита – не кур, а людей, тоже, по-моему, из области народной школы.

Последняя, открытая для детей и взрослых (в народной школе, кстати, Ларс когда-то познакомился со своей женой), является, по мнению профессора Аасе, одним из перспективных направлений развития образования в Норвегии. Не правда ли странно: мы пытаемся приподняться на цыпочки, заглянуть к ним вперёд, а они оглядываются назад? «Иду-

щий за мною встал впереди меня, потому что был прежде меня». (Евангелие от Иоанна, 1, 15).

Отрывки из книги Ларса Аасе «Сельское образование в провинции Агдер, Норвегия»¹, хороши, по-моему, тем, что, как ни странно, узнаваемы и понятны вдалеке от Норвегии. Это удивительно, о чём он пишет, проработавший всю жизнь в образовании норвежский учитель, директор школы, преподаватель колледжа, методист. О том, что сельская школа изучает свой родной край, использует местный материал, привлекает мастеров. Ну что, мы этого не знали?

«О любви к своему делу, – цитирую комментарий переводчика Инны Перель, – об уважении коллег – и равных себе по опыту, и совсем молодых, о готовности к разумным новшествам и пропаганде их всеми имеющимися у человека средствами. А также о том, как люди любят свою страну, и ничто не кажется им мелочью на пути к лучшему».

Школа для ребёнка всегда уникальна

Видимо, нам настолько плохо в сегодняшнем настоящем, что даже всё вчерашнее кажется нам замечательно-мечтательно-золотым.

Но наверняка можно поискать нечто хорошее и в сегодняшнем времени, чего не было, не хватало в прошлые годы.

¹ Опубликованы в газете «Сельская школа со всех сторон», № 1, 2001 г.

Так, например, терпимость к другому, инакомыслящему. Ну да – не всё привычно, ну да – надо ещё научиться жить в многообразии, ну да – ой как не просто научиться признавать чужое мнение, не схожее с твоим.

Например, мнение ребёнка. Но это же важно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.